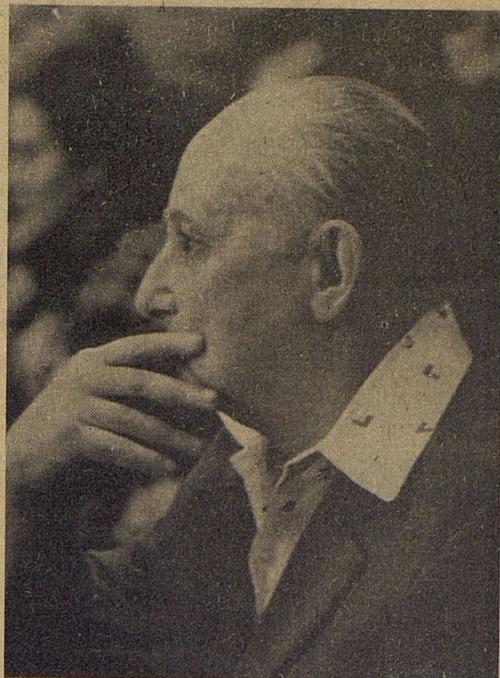

Встреча с интересным
человеком

Главный режиссер
Московского цирка
на Цветном бульваре
народный артист РСФСР,
профессор
Марк Соломонович
МЕСТЕЧКИН

Этому человеку, плодотворная деятельность которого отмечена недавно высшей правительственной наградой Родины — орденом Ленина, исполняется 80 лет. Сегодня его поздравляют друзья, собраты по искусству, зрители... К теплым поздравлениям в адрес одного из ведущих мастеров советского цирка мы присоединяем и поздравления читателей «Ленинского знамени».

«ОТДАЮ ЦИРКУ ВСЮ ДУШУ...»

На стенах рабочего кабинета Марка Местечкина — фотографии людей, с которыми свела его творческая судьба, эскизы цирковых декораций и костюмов. За долгие годы ему довелось встречаться, дружить и работать со многими выдающимися деятелями советского искусства.

В когорте цирковых режиссеров советской формации Местечкину принадлежит одно из первых мест. Его можно назвать соучастником создания новой школы, нового стиля постановок. Его детские утренники: «Трубка мира», «Необыкновенные приключения», «Царевна Несмеяна» и вечерние представления для взрослых: «Маленький Пьер», «Черный Томми», «Отважные», «Юность празднует», «Счастливого плавания», «Карнавал на Кубе» являются эталонами в своем жанре.

— Шестидесят лет ваша жизнь, Марк Соломонович, связана с искусством. Последние тридцать лет вы работаете в Московском цирке. Но нашу беседу хотелось бы начать с вопроса, связанного с «доцирковым» периодом. Ведь вы мейерхольдoveц?

— Огромное чувство благодарности испытываю я к Всеволоду Эмильевичу Мейерхольду. Новатор театра, он был одним из первых больших художников, которых безоговорочно, всей душой приняла Октябрьская революция. Мы, молодежь театра Мейерхольда, очень любили его. У него была всепокоряющая сила художника.

Период работы Театра РСФСР Первый совпал с развитием деятельности Пролеткульта, и я был послан Мейерхольдом для налаживания Подольского Пролеткульта. Два раза в неделю отпоявлялся в Подольск, проводил там занятия и, переночевав в нетопленном клубе, утром возвращался в Москву.

Как ни странно, но эти поездки в холодных поездах мне даже нравились. Они не были бесплезными. Мне приятно сознавать, что из Подольского Пролеткульта вышло впоследствии несколько профессиональных актеров.

— Как дальше сложилась ваша творческая судьба?

— Случилось так, что в 1921 году я ушел на эстраду. В ту пору рядом с садом «Эрмитаж» открылся театр-кабаре «Не рыдай». Труппа собралась сильная: молодые Михаил Жаров, Вера Инбер, Игорь Ильинский, Рина Зеленая, Михаил Гаркави, Георгий Тусузлов. Был приглашен и я.

Наш театр отличался от многих ему подобных предприятий времен нэпа общей культурой, вкусом, злободневностью, что и сделало его привлекательным для художественной интеллигенции.

Репертуар наш состоял из миниатюр, острых сатирических и гротесковых сценок, куплетов, эстрадных танцев и т. д. У нас часто бывали Анатолий Луначарский, Владимир Маяковский, Сергей Есенин, Иван Поддубный, прославленный актер Малого театра Владимир Давыдов...

Но к началу 1924 году творческая жизнь «Не рыдай» стала замирать. На эстраде завоевывала широкую популярность советская газета — детище молодых живых артистов, режиссеров, литераторов, художников и музыкантов, которые стремились внести свою лепту в строительство новой жизни. Группа «нерыдаевцев», и я в их числе, перешла в «Синюю блузу».

— А затем...

— Это было в 1927 году. Както утром мне позвонил мой друг Николай Михайлович Фореггер и сказал, что организуется школа циркового искусства, художественным руководителем которой назначают его, а мне он предложил быть педагогом по классу клоунады. В эти годы советский цирк переживал период становления, поэтому открытие в Москве Государственного училища циркового искусства было своевременным и необходимым.

Мы все оказались в затруднительном положении: ни опыта, ни сложившихся педагогических методов — ничего этого не было. Поэтому первые годы работы школы были неоценимой практикой и для самих педагогов: обучая, мы учились сами.

Среди наших учеников был небольшого роста паренек, который пришел к нам из кинотеатра «Экран жизни», где работал художником — оформителем. Звали его Миша Румянцев. В процессе учебы не раз ставился вопрос об отчислении этого учащегося «за неспособность». У него, как говорят актеры, отсутствовала мышечная свобода, он был как бы «зжат».

Но вот однажды, спускаясь с верхнего этажа от Фореггера, я услышал шум в маленькой комнате внизу. Тихонько подошел ближе, заглянул в дверь: репетировал Миша Румянцев. Не зная, что за ним наблюдают, он спокойно проделал несколько импровизационных шуток. Я увидел проблески настоящего дарования.

Михаил Румянцев вырос в большого клоуна. Он создал замечательный образ Карандаша, которого горячо полюбили и маленькие, и большие зрители. Румянцев стал популярнейшим артистом, клоуном номер один советского цирка. Недавно Советское правительство отменило его труд Золотой Звездой Героя Социалистического Труда.

— Значит, с двадцать седьмого года цирк окончательно завладел вами?

— Еще нет. На какое-то время меня вновь «забрал» театр. Я увлекся режиссурой. К середине тридцатых годов один за другим стали организовываться колхозные театры. Увлечение ими было большое. Многие известные ныне артисты с воодушевлением взялись за эту работу. Предложили и мне возглавить художественное руководство одним из колхозных театров Ивановской области. Здесь мною было выпущено несколько спектаклей, причем некоторые из них ставились впервые, например, инсценировка пьесы Новикова-Прибоя «Женщина и море», «Разгром» по Фадееву.

Радостно было общение с сельским зрителем, который платил за наше искусство сердечной благодарностью и теплотой. До сих пор, встречаясь с друзьями тех лет, мы вспоминаем эту работу как светлую страницу нашей молодости.

— И все же сегодня годы, отданные эстраде, театру, кажутся лишь преддверием к тому главному, что было потом.

— Я не погрешу против истины, если скажу, что любовь к цирку жила во мне всегда. А вот с середины сороковых годов моя жизнь стала с ним накрепко связана уже в профессиональном плане.

— У каждого режиссера есть свои привязанности, свои любимые жанры. Если говорить о вашем любимом жанре, то это?..

— Клоунада. Именно с мастерами этой веселой профессии мне довелось работать больше всего. Многие из них, как говорится, встали на ноги и творчески сформировались на моих глазах.

Одним из первых клоунов, с которым я подружился, был знаменитый Виталий Лазаренко. Начал он до революции с пустеньких виршей, но с годами перешел к страстному сатирическому монологу, обличившим врагов социалистического государства.

С творчеством Юрия Никулина и Михаила Шуйдина я связан ровно столько, сколько существует их дуэт. На опыте многолетней работы с этой клоунадой парой я пришел к выводу, что Никулина так же трудно представить на манеже без Шуйдина, как Шуйдина — без Никулина. Мне даже кажется, что они вообще не могли бы успешно работать в цирке один без другого. Очевидно, здесь сказывается не только творческое единение, но и крепкая дружба двух бывших фронтовиков.

Очень люблю искусство «солнечного клоуна» Олега Попова. За двадцать лет он прошел путь от выпускника циркового училища до народного артиста СССР. В Брюсселе был удостоен премии Оскара, которой награждаются лучшие исполнители мира, а в Париже Попову присудили звание лауреата Международного конкурса артистов эстрады.

Как вы понимаете, любимых клоунов у меня много. Назову лишь имена — Борис Вяткин, Константин Берман, Акрам Юсупов, Константин Мусин. О каждом мог бы много рассказать...

— Из мастеров других жанров — кого бы вы назвали прежде всего?

— Народного артиста Советского Союза Владимира Григорьевича Дурова. В этой связи мне хочется рассказать о моей первой и незабываемой встрече с этим прекрасным человеком нашего цирка. Было это вскоре после Великой Отечественной войны. Я приехал в Минск, чтобы просмотреть несколько номеров в шапите. Перед отъездом зашел в зооцирк. Там я увидел дуровскую слониху Рези. Она безучастно стояла в вольере, привязанная за ногу цепью. И вдруг Рези заволновалась, вырвала столб и, громыхая цепью, зашпешила к выходу. Я обернулся: навстречу слонихе шел Дуров. Выйдя после тяжелой травмы из больницы, он сразу же стал распределять своих питомцев, разбросанных по разным зооциркам страны. Несколько секунд слон и дрессировщик стояли друг против друга. Потом Рези осторожно подняла своего хозяина хоботом, как когда-то в одном из номеров, унося его с арены за кулисы, и поспешила к вольеру.

Аттракцион Владимира Дурова напминал «Новая ковчег» — так много самых разных животных было собрано здесь. Зрительный зал всегда горячо встречал любимого артиста, который умел пробуждать своим искусством добрые и светлые чувства.

— Марк Соломонович, расскажите, пожалуйста, о вашей педагогической деятельности.

— Как известно, до Октябрьской революции каких бы то ни было учебных заведений, готовящих мастеров манежа, за всю историю мирового цирка не было. Артистами цирка становились в лучшем случае «по семейной принадлежности», когда родители передавали детям накопленный опыт и мастерство. А вот сейчас основным поставщиком артистических кадров для всего советского цирка стало Училище циркового и эстрадного искусства. С ГУЦЭИ у меня давние и прочные связи. Кроме того, я являюсь художественным руководителем студии клоунады при «старом» Московском цирке.

В 1967 году произошло еще одно замечательное событие в системе подготовки цирковой смены. При ГИТИСе имени А. В. Луначарского открылось отделение, готовящее режиссеров цирка. Мне было предложено возглавить его.

— И еще вопрос, пожалуй, традиционный: за что вы любите цирк?

— Я попросту не представлю, как можно жить и работать вне циркового манежа.

— Люблю цирк за его яркость, за праздничность. Если цирк станет вдруг будничным, он сразу же утратит свое очарование. Люблю за то, что не перестаю восхищаться необыкновенными людьми, творящими чудеса храбрости, ловкости, силы, грации, самоотверженности. Уходя с самоотвержением, я верю, что человек прекрасен духовно и физически, и мне хочется с новыми силами взяться за работу.

Я не хочу говорить, что отдаю цирку частичку души, — я отдаю цирку всю душу. И буду безмерно счастлива, если до конца дней своих буду служить этому удивительному жизнеутверждающему искусству.

Беседу вел
С. ИВАНОВ.